

Оценка социальных угроз для жизнедеятельности населения в Республике Саха (Якутия)¹

В.Н. ВЕСЕЛОВА, кандидат географических наук,
Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск.
E-mail: veselova@irigs.irk.ru

Л.Б. БАШАЛХАНОВА, кандидат географических наук,
Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск.
E-mail: ldm@irigs.irk.ru

И.А. БАШАЛХАНОВ, кандидат географических наук,
НПФ «Региональное экологическое прогнозирование», Иркутск.
E-mail: bash-zem@yandex.ru

В статье дана оценка ущерба от риска преждевременной смертности трудоспособного населения в Республике Саха (Якутия). Показано, что принятые в 2000-х гг. решения федеральных и региональных властей сформировали негативную тенденцию в региональной социальной политике, которая продолжает влиять на уровень жизни и здоровье населения. Для снижения ущерба в республике необходимо внести коррективы в нормативное зонирование потребительской корзины и скорректировать сеть мониторинга цен.

Ключевые слова: Республика Саха, социальная защита, прожиточный минимум, дискомфортность климата, смертность населения, ущерб

Республика Саха (Якутия) (РС (Я)) с населением чуть менее 1 млн чел. (960 тыс. на 01.01.2015 г. [1]) занимает огромную территорию на северо-востоке Сибири с суровым климатом и слабой транспортной освоенностью. Ресурсно-климатическая оценка позволяет выделить в республике территории с разным уровнем дискомфорта климата: очень сильный, жесткий, крайне жесткий [2]. Жизнедеятельность основной части (78,6%) населения, сосредоточенной в городах и промышленных центрах, происходит в условиях жесткого и очень сильного (18,7%) дискомфорта. Около 2,7% населения живет в пяти муниципальных арктических районах, занимающих 19% общей площади республики с крайне жестким уровнем дискомфорта климата.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и РГО в рамках проекта 17-05-41057 РГО_а «Транспортно-коммуникационный фактор развития Сибири: возможности, ограничения, перспективы».

Суровость природно-климатических условий формирует требования к соответствующему уровню системы социальной защиты населения (ФЗ «О прожиточном минимуме», «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации», «Об основах социального обслуживания граждан РФ» и пр.). Основным параметром этой системы является уровень прожиточного минимума (ПМ), который устанавливается на основании стоимости товаров и услуг, входящих в потребительскую корзину, стоимость которой определяет нижнюю границу стоимости жизни.

Анализ динамики социальной защиты населения в постсоветский период показывает, что ее наибольшая трансформация произошла в регионах Сибири, особенно в Республике Саха (Якутия). В частности, коэффициент превышения регионального прожиточного минимума к уровню РФ снизился от 2,2 в 1995 г. до 1,6 раза в 2015 г. (рис. 1).

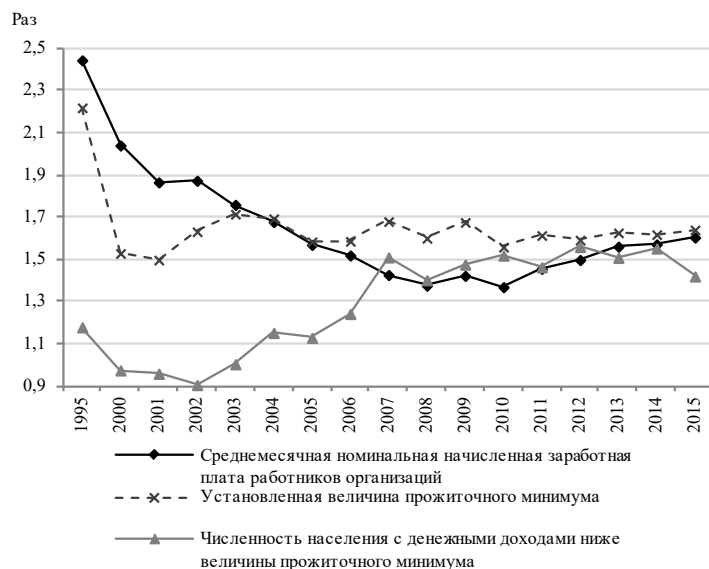

Рис. 1. Динамика соотношений основных социально-экономических параметров Республики Саха (Якутия) к РФ в 1995–2015 гг., раз

Между тем полученная функциональная зависимость величин прожиточного минимума от степени суровости климата и транспортных издержек показала существенное превышение расчетных над установленными величинами ПМ в 2014 г. (до 2,1 раза) [3]. Занижение величин ПМ в дальнейшем сказывается на регионализации минимального размера оплаты труда (МРОТ) и других социальных выплат, а также приводит к повышению рисков для здоровья населения при проживании в суровых климатических условиях.

Трансформация социальных гарантий

В плановой экономике территория России была дифференцирована на районы Крайнего Севера, приравненные к ним районы и иные местности. Введение специальных северных льгот в форме надбавок и коэффициентов к заработной плате, а также других компенсаций поддерживало сравнительно высокий уровень жизнеобеспечения в суровых климатических условиях. На основе научно обоснованных нормативов питания организовывалось снабжение школ и больниц, формировался «северный завоз».

В связи с переходом к рыночным отношениям были приняты меры по обеспечению социальной защиты населения, основным индикатором которой является прожиточный минимум. Согласно Указу Президента РФ [4] были разработаны методические рекомендации по расчету минимальных потребительских бюджетов в регионах Российской Федерации [5]. Зонирование территории РФ было проведено на основе интегрального показателя условий жизни населения, включающего в себя количественную оценку факторов, влияющих на различия в объеме и структуре минимальных потребительских бюджетов. Республика Саха (Якутия), наравне с другими районами Крайнего Севера, вошла в VIII природно-климатическую зону, минимальная продовольственная корзина которой предполагала высокую долю белков и жиров в составе питания населения.

Однако следующий этап реформирования исчисления ПМ оказался для большинства населения республики крайне неблагоприятным. Потребительская корзина 2000 г. [6] была сформирована с учетом нового зонирования, в котором границы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей

были проигнорированы. В Якутии по зонированию продуктовой корзины образовались две зоны (I и III). Зона I объединила муниципальные районы с крайне жестким и часть районов с жестким уровнями дискомфорта климата, зона III – часть районов с жестким и очень сильным уровнями. При этом в продуктовой корзине III зоны рекомендуемая структура и энергетическая ценность питания стали практически сопоставимы с нормами районов с более благоприятными природно-климатическими условиями (юг Сибири, центральная и южная зоны РФ), нормы потребления белков и жиров – основного продукта северных народов – резко снизились. В I зоне, напротив, имело место небольшое повышение этих норм².

С момента резкого снижения норм по белкам и жирам в 2000 г. в III зоне произошло сокращение и их реального потребления. С тех пор, несмотря на высокие темпы роста годовых норм потребления мясо- и рыбопродуктов, отмеченные в обзоре динамики структуры питания населения России за весь постсоветский период [7], ситуация в III нормативной зоне не улучшилась. И сегодня эти нормы все еще остаются ниже на 10 и 13%, чем на сопредельных территориях Крайнего Севера (I и II зоны).

В специальных исследованиях [8] указывается, что богатая белками и жирами структура питания северных народов является особенностью, выработанной в процессе эволюционной адаптации коренного населения к экстремальным природно-климатическим условиям. Отмечается более частое патологическое расстройство всех систем организма у жителей Севера, не придерживающихся традиционных типов питания с преимущественным употреблением белков и жиров. Эти особенности обмена веществ в экстремальных условиях среды были учтены при дифференциации продовольственной корзины в 1992 г., но, очевидно, их упустили из виду при пересмотре зонирования, что неизбежно отразилось на уровне жизни и здоровья населения.

Другой причиной заметного отставания установленных величин прожиточного минимума в Республике Саха (Якутия) от необходимого уровня является, на наш взгляд, существенное искажение ценового рельефа потребительских товаров, обусловленное несовершенством системы мониторинга цен. Так, согласно Постановлению Федеральной службы государственной статистики (Росстат), населенные пункты-представители, по которым ведется мониторинг цен, должны отражать географические особенности региона и располагаться в различных его частях [9]. Однако сеть мониторинга по республике размещена крайне неудачно. Данные о средних потребительских ценах отслеживаются в пяти городах и двух поселках городского типа (пгт.). Из них г. Нерюнгри и г. Олекминск расположены в условиях очень сильного дискомфорта, а г. Якутск, г. Мирный, г. Вилюйск, пгт. Зырянка, пгт. Усть-Нера – в условиях жесткого дискомфорта. Населенные пункты крайне жесткого дискомфорта в мониторинг не включены. Более того, в I нормативной зоне ценовая ситуация отслеживается только по одному пункту (Зырянка), что неизбежно ведет к искажению фактических цен не только в этой зоне, но и в среднем по субъекту [3].

Внутрирегиональная дифференциация исчисления прожиточного минимума также претерпела значительные изменения. До III квартала 2002 г. ПМ рассчитывался по шести районам, с различием в пространстве 1,6 раза. Даже при этом территориальная дифференциация недостаточно отражала климатические различия (табл. 1): уровень ПМ был одинаковым в районах, резко контрастных по суровости климата (Мирнинский, Ленский и пр.), или, наоборот, в условиях одинаковой суровости климата уровень ПМ мог различаться в 1,5 раза. С III квартала 2002 г. ПМ в республике стал рассчитываться, как и на федеральном уровне, для двух групп (или зон), разница ПМ значительно уменьшилась и стала составлять в среднем 1,1 раза, т.е. учет природно-климатических различий арктических и южных районов республики практически исчез. Лишь с 2013 г. в связи с изменением методики исчисления ПМ (непродовольственные товары и услуги стали учитываться в двух группах (зонах) в размере 50% и 60% к стоимости продуктовой корзины, соответственно [10]) разница между двумя группами увеличилась до 1,2 раза (табл. 1).

² Кроме того, в потребительской корзине с 2000 г. было предусмотрено отдельное зонирование по особенностям потребления непродовольственных товаров и услуг. Республика Саха (Якутия) по потреблению непродовольственных товаров и услуг была отнесена к одной зоне, хотя климат республики отличается повышением суровости в северо-восточном направлении [2].

Таблица 1. Внутрорегиональная дифференциация прожиточного минимума в муниципальных районах РС (Я) в 2002 г., руб.

Уровень дискомфорта климата	Муниципальный район	До III кв. 2002 г.		После III кв. 2002 г.							
		группы	ПМ, IV кв. 1994 г.	группы (или зоны)	ПМ, IV кв. 2003 г.	ПМ, IV кв. 2015 г.					
Очень сильный	Олекминский	1	228,5	2	3 606	15 223					
	Нерюнгринский	4	216,8								
	Алданский	6	265,3								
	Ленский										
Мирнинский*	5	314,3									
Жесткий	г.о. Якутск	1	228,5				1	4 080	17 924		
	Амгинский										
	Горный										
	Мегино-Кангаласский										
	Намский										
	Таттинский										
	Усть-Алданский										
	Хангаласский										
	Чурапчинский										
	Вилуйский									3	279,5
	Нюрбинский										
	Сунтарский										
	Верхневилуйский	2	348,1								
	Усть-Майский										
	Томпонский										
	Кобяйский										
	Абыйский										
	Верхнеколымский										
	Верхоянский										
	Жиганский										
	Момский										
	Оймяконский										
	Оленекский										
	Среднеколымский										
Эвено-Бытантайский											
Крайне жесткий	Аллайховский										
	Анабарский										
	Булунский										
	Нижнеколымский										
	Усть-Янский										

Примечание: *Мирнинский относится ко II зоне, кроме п. Айхал и г. Удачный с населенными пунктами. В табл. не учитывалась численность населения г.о. Жатай, т.к. этот статус получен в 2004 г. Источники: данные Минтруда и социального развития РС (Я); Постановление Правительства РС (Я) от 29.02.2016 № 45 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения РС (Я) за IV квартал 2015 г.».

В целом переход к нормативному зонированию в республике был проведен крайне неудачно. Перевод в 2000 г. большей части территории в III нормативную зону с резким снижением норм белков и жиров в структуре питания; ограниченное число (всего один) пунктов мониторинга потребительских цен на продукты питания (I зона); единая для климатически контрастной территории зона непродовольственных товаров и услуг – способствовали резкому снижению прожиточного минимума в Республике Саха (Якутия) относительно как среднего уровня по стране, так и его расчетных величин [3]. К сожалению, этим изменениям сопутствуют одновременный рост в регионе численности населения с доходами ниже ПМ и снижение заработной платы по сравнению со средними значениями по РФ [11].

Тем не менее с **1 января 2014 г.** минимальная заработная плата доведена до уровня прожиточного минимума (заметим, существенно заниженного), и его величины уже служат ориентиром для установления социальных выплат (стипендий, пособий, субсидий и т.д.), хотя и не отражают адекватно стоимость жизни в регионе. Кроме того, необходимо обратить внимание, что минимальная заработная плата в республике, в отличие от ПМ, установлена не для двух групп (зон), а в целом по субъекту. В результате можно отметить еще одно занижение в величине минимальной заработной платы для населения, проживающего в условиях жесткого и крайне жесткого дискомфорта (1 группа (зона)).

Таким образом, заложенные в 2000-х гг. действия федеральных и региональных властей по изменению нормативного зонирования потребительской корзины без надлежащего учета влияния степени суровости климата на жизнедеятельность человека сформировали негативную тенденцию в региональной социальной политике, которая продолжает отражаться на уровне жизни и здоровье населения.

Смертность населения

Постоянное проживание населения республики в условиях социально-экономического и природно-климатического дискомфорта отражается на показателях смертности населения. По данным А.Г. Егоровой [12], уровень общей смертности в Республике Саха (Якутия) был наименьшим в 1987 г. (5,9‰).

В связи с процессами перестройки социально-экономической системы и систем социального обеспечения населения показатели смертности в республике выросли и остаются стабильно высокими (более 9%), хотя и имели небольшую тенденцию снижения после 2008–2010 гг. [1; 11]. Лишь в 2014 г. показатель общей смертности снизился до уровня 1980 г. и составил 8,6%. По состоянию на 2014 г. смертность в республике в 1,5 раза ниже, чем в РФ (как и в 1995 г.). Однако высокий рост смертности на 46,5% за 1990–2010 гг. [12] требует всестороннего анализа. В частности, сопоставление динамики показателей общей смертности населения и величины ПМ показывает их корреляционную взаимосвязь [13].

Смертность среди трудоспособного населения более рельефно отражает периоды экономических реформ и кризисов [14]. Так, максимальный пик этого показателя пришелся в республике на середину 1990-х гг., когда его рост составил 1,7 раза (1995 г. к 1990 г.). В дальнейшем, как и в целом по РФ, отмечается тенденция к снижению данного показателя, с четкими периодами замедления (2002–2005 гг.) и небольшого роста (2008–2010 гг.). В структуре причин смертности наряду с внешними причинами преобладают болезни системы кровообращения (табл. 2).

Таблица 2. Коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте по основным классам причин в 1990–2014 гг. (на 100 000 лиц трудоспособного возраста)

Причины смерти	1990	1995	2002	2005	2008	2012	2014
Паразитарные и инфекционные заболевания	11,8	20,9	19,6	17,6	21,6	16,0	14,2
Новообразования	78,5	87,2	77,6	79,2	70,6	73,9	64,1
Болезни системы кровообращения	108,2	206,0	226,8	265,1	238,1	218,9	194,1
Болезни органов дыхания	15,2	27,1	24,3	30,6	25,1	23,3	17,5
Болезни органов пищеварения	18,7	56,0	42,9	44,0	46,4	42,7	33,2
Внешние причины	221,0	350,1	328,9	292,7	274,1	225,2	209,5

Источник: Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 1994. – 419 с.; 2002. – 397 с.; 2005. – 595 с.; 2007. – 551 с.; 2013. – 543 с.; 2015. – 263 с.

Внутри региона имеет место дифференциация показателей смертности с однонаправленным ростом их значений с усилением суровости климата. Так, по данным А. А. Ивановой с соавторами [15], с 2000 г. смертность населения трудоспособного возраста в арктических районах в 1,5 раза превышает аналогичные показатели в сельской и промышленной группах районов.

Цена риска для здоровья населения

Сложившиеся противоречия – относительная стабилизация социально-экономического положения при высоких показателях смертности населения республики – требуют анализа назревшей проблемы. Наиболее результативными являются подходы по оценке зависимости риска для здоровья человека от социально-экономических условий [16; 17].

Оценка ущерба проведена по методике Роспотребнадзора [17]. Стоимостная оценка рисков для здоровья населения при воздействии факторов среды применяется в этих целях для повышения результативности управленческих решений. В нашем случае ее использование дает возможность показать нанесение вреда здоровью при проживании на дискомфортных территориях без должного жизнеобеспечения. Для оценки использованы данные Росстата [1, 11, 14]: величины ВРП и ПМ на душу населения РС (Я); численность населения трудоспособного возраста; ожидаемая продолжительность жизни; коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте; средний возраст смерти за 2005 и 2012 гг. (выбор этих лет обусловлен их наиболее контрастными данными по смертности трудоспособного населения республики и полнотой обеспеченности информацией). Методика позволяет рассчитать как максимально возможный чистый, так и фактический доход общества, получаемый в течение одной человеческой жизни. Применение в расчетной схеме данных по ПМ, а не по заработной плате объясняется высоким перепадом величин последней (более чем в семь раз) в разных сферах деятельности [11].

Анализ темпов изменения социально-экономической ситуации (2012/2005 гг.) в республике показывает, что рост прожиточного минимума (2,2 раза) существенно отстает от роста ВРП на душу населения (2,9 раза). Снижение показателей смертности населения происходит медленно (за 2005–2012 гг. – в 1,2 раза), и на 2012 г. они все еще остаются высокими, составляя 649,4 на 100 тыс. трудоспособного населения республики. Низкие величины расходной части бюджета, ориентированные на ПМ, способствуют повышению темпов роста максимально возможного чистого дохода общества (в 3,5 раза). Рост фактического дохода общества (3,6 раза), получаемый за одну реально прожитую жизнь в трудоспособном возрасте, чуть превышает рост

максимально возможного, что связано с ранним уходом из жизни трудоспособного населения.

Усредненная цена риска потери одной человеческой жизни имеет разные величины и растет одинаковыми темпами с ВРП республики. По итогам расчетов, цена риска в 2005 г. составила 0,96 млн руб., к 2012 г. выросла в 2,9 раза (рис. 2). В результате разнонаправленного влияния ряда факторов – снижения численности населения трудоспособного возраста, роста экономики республики, инфляционных издержек – экономический ущерб от преждевременной смертности трудоспособного населения в 2012 г. достиг 10,7 млрд руб., что в 2,3 раза выше уровня 2005 г. В долях от ВРП региона эти показатели составили 2,0 и 2,5% соответственно.

Рис. 2. Ущерб от риска преждевременной смертности трудоспособного населения в 2005 г., 2012 г.

Полученный уровень ущерба имеет существенные расхождения с результатами А.А. Ивановой с соавторами [15], объясняемые использованием разных методик расчета и подходов по учету возраста начала и завершения экономической активности населения. Нам представляется, что более четкие ограничения трудоспособного возраста, принятые в «Методических рекомендациях к экономической оценке рисков для здоровья населения при воздействии факторов среды обитания (Методические рекомендации МР 5.1.0029–11» [17]), позволяют лучше отразить фактическую ситуацию. Высокие показатели смертности среди трудоспособного населения обусловлены

низким уровнем жизни и наносят ощутимый ущерб экономике региона.

Пути снижения ущерба просматриваются в повышении уровня социальной защиты населения. Первоочередной задачей является доведение величин прожиточного минимума до показателей, адекватно отражающих степень дискомфорта климата. Для этого необходимо внести изменения в нормативное зонирование продуктовой корзины, в том числе повысить нормы потребления белков и жиров в III зоне сообразно нормам, установленным для территорий с таким же уровнем дискомфорта климата. Важно также внести коррективы по изменению: нормативов потребления населением непродовольственных товаров и услуг; увеличить число пунктов мониторинга цен (отслеживание фактических цен на отдаленных территориях). Учет вышеперечисленных географических особенностей территории республики позволит корректно представить удорожание региональной стоимости жизни, в том числе при исчислении ПМ.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат. сб. / Росстат.– М., 2015.– 1266 с.
2. Башалханова Л. Б., Веселова В. Н., Коротный Л. М. Ресурсное изменение социальных условий жизнедеятельности населения Восточной Сибири.– Новосибирск: Гео, 2012.– 221 с.
3. Коротный Л. М., Башалханова Л. Б., Веселова В. Н., Башалханов И. А. Ресурсно-климатические факторы обеспечения социальных гарантий на северных территориях Сибири // География и природные ресурсы.– 2015.– № 4.– С. 98–106.
4. Указ Президента РФ «О системе минимальных потребительских бюджетов населения РФ» от 02.03.1992 № 210. [Эл. ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9002852> (дата обращения: 10.08.2015).
5. Федеральная служба государственной статистики. Методологические положения по статистике (вып. 1,2,3,4,5). Методика расчета показателей, характеризующих уровень и распространение низких доходов. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000160r.htm (дата обращения: 15.12.2015).
6. Методические рекомендации по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации» (утв. Постановлением Правительства РФ от 17.02.1999 г. № 192 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 16.03.2000 № 232, от 12.08.2005 № 511, от 04.06.2007 № 342, от 28.01.2013 г. № 54) [Эл. ресурс]. URL: <http://www.referent.ru/1/84229> (дата обращения 13.11.2014).

7. *Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Попова Д. О., Варданян Е. Г.* Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней.– М.: НИУ ВШЭ, 2014.– 35 с.
8. *Панин Л. Е.* Биохимические механизмы стресса.– Новосибирск: Наука, 2013.– 232 с.
9. Постановление Госкомстата РФ от 25.03.2002 № 23 «Об утверждении Основных положений о порядке наблюдения за потребительскими ценами и тарифами на товары и платные услуги, оказанные населению, и определения индекса потребительских цен». URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/47834> (дата обращения 21.01.2013).
10. Закон Республики Саха (Якутия) «О порядке определения величины прожиточного минимума в Республике Саха (Якутия)» / Принят постановлением Гос. собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 12.07.2007 № 1002-III (в ред. законов РС (Я) от 05.12.2013 1238-3 № 31-V, от 26.03.2015 1422-3 № 399-V). URL: <https://mintrud.sakha.gov.ru/zakon-rsja-493-z-o-porjadke-opredelenija-velichiny-prozhitochnogo-minimuma-v-respublike-saha-jakutija> (дата обращения: 20.01.2017).
11. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 25.06.2016).
12. *Егорова А. Г.* Смертность населения Крайнего Севера (на примере Якутии) // Евразийский союз ученых (ЕСУ).– VII. Медицинские науки.– 2014.– С. 48–51. URL: http://euroasia-science.ru/wp-content/uploads/2016/11/evro_7p3_7-171.pdf (дата обращения: 15.12.2015).
13. *Башалханов И. А., Башалханова Л. Б., Веселова В. Н., Корытный Л. М.* Анализ социальных проблем жизнедеятельности населения Восточной Сибири (на примере республик Бурятия и Саха (Якутия))// СОЦИС.– 2011.– № 2.– С. 31–39.
14. *Измеров Н. Ф., Тихонова Г. И., Горчакова Т. Ю.* Смертность населения трудоспособного возраста в России и развитых странах Европы: тенденции последнего двадцатилетия // Вестник РАМН.– 2014.– № 7–8.– С. 121–126.
15. *Иванова А. А., Апросимов Л. А., Потапов А. Ф., Тимофеев Л. Ф.* Особенности смертности населения в Республике Саха (Якутия) // Якутский медицинский журнал.– 2015.– № 4.– С. 76–79.
16. *Бобылев С. Н.* Экономика природопользования.– М.: ИНФРА-М., 2014.– 400с.
17. Методические рекомендации к экономической оценке рисков для здоровья населения при воздействии факторов среды обитания: Методические рекомендации.– М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2011.– 24 с.